

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОММУНИКАЦИИ СТАРШИХ И МЛАДШИХ ПОКОЛЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ¹

КАЛАЧЁВА Ирина Ивановна

доктор исторических наук, профессор
Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

ЕФИМОВА Надежда Викторовна

кандидат философских наук, доцент
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Беларусь)

ПИНЧУК Игорь Викторович

кандидат социологических наук
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Беларусь)

HISTORICAL MEMORY IN COMMUNICATION OF THE OLDER AND YOUNGER GENERATIONS: A THEORETICAL DIMENSION

Iryna KALACHOVA

*Dr. habil. in History, Professor
Belarusian State University (Minsk, Belarus)*

E-mail: irakalachova@yandex.by

Nadzeya YAFIMAVA

*PhD in Philosophy, Associate professor
Belarusian State University (Minsk, Belarus)*

E-mail: sociocom@bsu.by

Ihar PINCHUK

*PhD in Sociology
Belarusian State University (Minsk, Belarus)*

E-mail: sociocom@bsu.by

Рассмотрены теоретические аспекты актуальной проблемы – коммуникации поколений и роли исторической памяти в сохранении и преемственности традиций; представлены ведущие научные школы и основные идеи ряда зарубежных и отечественных авторов. Анализ основных теоретических подходов показывает, что ученые отождествляют понятия «социальная», «коллективная» и «историческая память», однако в основном используется понятие «историческая память» как обобщающее. Историческая память человека включает и семейную память, так как они взаимосвязаны: не существует истории семьи вне истории общества. Дана интерпретация понятий «коммуникативная память» и «культурная память». Коммуникативная память как «живая» связь поколений представляет большую ценность для современных исследовательских практик.

Ключевые слова: поколения, коммуникация поколений, историческая память, коммуникативная память, старшие поколения, молодые поколения, классификация поколений.

The theoretical aspects of the urgent problem of communication of generations and the role of historical memory in the preservation and continuity of traditions are considered; the leading scientific schools and the main ideas of a number of foreign and domestic authors are dealt with. The analysis of the main theoretical approaches shows that scientists identify the concepts of social, collective and historical memory, however, the concept of “historical memory” is mainly used as a generalizing one. A person’s historical memory also includes family memory,

¹ Выполнена в рамках НИР «Историческая память в системе базовых ценностей белорусского народа как фактор межпоколенной коммуникации и информационной безопасности» (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», № госрегистрации 20212024 от 02.06.2021 г.).

since they are interconnected: there is no family history outside of the history of society. The interpretation of the concepts of “communicative memory” and “cultural memory” is given. Communicative memory as a “living” connection of generations is of great value for modern research practices.

Keywords: *generations, communication of generations, historical memory, communicative memory, older generations, young generations, classification of generations.*

Проблема поколений и коммуникация между ними всегда была актуальной, так как меняются приоритеты, ценностный выбор, открываются новые возможности для развития человека. Коммуникация поколений становится условием для понимания основных исторических событий, закрепления в памяти последующих поколений сущностных смысловых посылов предыдущих поколений.

Многие эксперты отмечают, что изменились основные способы передачи знаний – если в прошлом знания передавались от старших к младшим, и эта норма оставалась неизменной, то в современных условиях наблюдается новая тенденция – знания передаются от младших к старшим. Это когнитивный диссонанс определяет и другие стороны отношений между поколениями. Сдвиг в преемственности основной функции старших поколений по отношению к младшим оказывает влияние и на формирование нормативно-ценностной основы коммуникации. Доминантность молодых поколений в осуществлении функции преемственности обусловлена тем, что младшие поколения включены в новые формы взаимодействий, осуществляемые посредством информационных интернет-технологий с ранних лет. Это позволяет конструировать иные типы отношений, на другом уровне коммуникации.

Данные процессы пока всесторонне не изучены, а между тем исследование межпоколенных отношений в историческом аспекте позволит осуществить конструирование будущего как перспективы для развития всех сторон жизнедеятельности современных людей. Однако важным является и осуществление реконструкции прошлого, так как без понимания законов прошлого невозможно построение новых направлений движения. Тем более что «историческая память понимается как преломленная рефлексия о событиях прошлого» [1, с. 497]. Подобное суждение высказывалось в других работах исследователей. В частности, белорусский социолог А. Ластовский отмечает, что в современном социальном знании историческая память рассматривается как представления о прошлом, которые подтверждают для членов общества их коллективную идентичность и символически обозначают их единство во времени и пространстве благодаря созданию общей истории [2, с. 8].

Исследование проблематики имеет практико-ориентированную направленность, так как важнейшим социальным институтом, реализующим практики патриотического воспитания, подготовки историков, архивистов, этнографов, музееведов, специалистов в сфере туризма является образование.

Обобщая существующие подходы в раскрытии понятия «поколение», отметим, что большинство ученых указывают, что поколение – совокупность людей по возрасту, живущих в одно время; когорты людей, переживающих значимые события в конкретный период, объединенных общими ценностными установками, образом жизни, представлениями о нормах и этике.

Важным является вопрос о новых (обновляемых) ценностях. Ценности, созданные предыдущими поколениями, воспринимаются последующими уже в преобразованном обновленном (новом) виде. Поэтому на каждом последующем витке времени происходит «приращение» опыта предыдущих поколений, что обуславливает необходимость адекватного отражения в исторической памяти народа. Конфликт между нормативно-ценностными установками является приметой узнаваемости представителей поколений. К примеру,

«послевоенное поколение», «советские люди», «хиппи», «молодежь 1970-х гг.», «студенческая молодежь», «беби-бумеры», «зеты» и др. Каждый из приведенных названий несет информацию о конкретном времени и его представителях. Но запоминается поколение по конкретным событиям, в том числе и конфликтным. Например, участие в Афганской войне. Рассматривая такой параметр, как самочувствие поколений, заметим, что старшие поколения представляются младшим более серьезными, более ответственными, что находит отражение и во внешнем облике. Белорусские социологи А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко, Т. В. Щелкова пишут, что рассматривая, к примеру, самое молодое и активное поколение Z, можно обнаружить целый ряд вполне оптимистических прогнозных сценариев его развития [3, с. 109]. Один из таких сценариев описывает российский психолог Е. Шамис. В своих публичных выступлениях, статьях она описывает поколение Z как очень оптимистично настроенное и счастливое поколение. Автор указывает, что представители поколения Z более ориентированы на инженерно-технологическую проблематику, биомедицину, робототехнологии, вести здоровый образ жизни, иметь выраженные кулинарные способности, обладать мастеровитостью, отличаться от своих родителей большей экономией и бережливостью.

Процесс взаимодействия представителей разных поколений называют межпоколенной коммуникацией. В процессе межпоколенческой коммуникации реализуются культуропередающая, культуросохраняющая и культуротворческая функции. Поколения выступают связующим звеном в коммуникации субъектов – т. е. представителей разных поколений. Они осуществляют связь («связывают») представителей одной когорты с другой. В научном дискурсе коммуникация рассматривается как способ, процесс и результат передачи сообщения, послания и др. Во всех случаях термин «коммуникация» можно рассматривать как синоним слову «связь». Часто понятие «коммуникация» в отношении поколений называют преемственностью.

Обобщая мнения ряда исследователей, отметим, что ключевыми признаками поколения являются основные события жизни в период детства, юности, молодости, зрелости и старости. На конкретном историческом отрезке времени и в конкретный возрастной период представители одного поколения разделяют общие взгляды, мечты, у них формируются стереотипы в поведении и этических нормах.

Такой образ поколений был рассмотрен разработчиками теории поколений – американскими авторами Н. Хоувом и В. Штраусом.

Авторы изучили большой массив респондентов – жителей Америки – и выявили некоторые общие закономерности, которые касаются представителей разных возрастных групп. Они считали, что люди определенного возраста имеют особые убеждения и ценности благодаря их личному становлению в одинаковых исторических условиях, что позволяет относить их в группы-поколения [4, с. 290–295].

В приведенной классификации поколений, разработанной авторами, нашли отражение временные рамки жизни поколений. Каждое поколение примерно ограничено 20 годами, однако указанные годы являются достаточно примерными границами.

Согласно теории поколений, в классификации поколений американских авторов выделяются следующие поколения: молчаливое поколение (1923–1943); поколение «беби-бумеров» (1943–1963); поколение X (1963–1983); поколение Y (1983–2003); поколение Z (2003–2023).

Белорусский социолог Н. Л. Мысливец отмечает, что преемственность между поколениями – это важнейшая ценность для прогрессивного развития общества и постоянного

обновления. Сохранение памяти в связи между поколениями часто связывается с событиями, которые переживают люди одного поколения.

«Память – это уникальное социально обусловленное явление, предметом которого служит не само событие, а его отпечаток в сознании познающего, образ...». Именно образы на визуальном уровне отражают эпоху, исторические события, выражают мнения большого количества людей. Образ поколения – это концентрированное выражение памяти людей, относящих себя к определенным временным рамкам их жизни. В зависимости от того, к какому временному периоду относит себя респондент и складывается его образ как единицы, выражающей обобщенное мнение в виде образа – прошлого, настоящего и будущего.

Образ поколения формируется в конкретный период и отражает особенности исторической памяти конкретного народа, государства, страны. Обратимся к основным теоретическим подходам, которые сложились в отношении понятия «историческая память» в мировой и отечественной науке.

Одним из признанных теоретиков в изучении коллективной памяти принято считать французского социолога Э. Дюркгейма [5]. Автор поддерживает идею о том, что в традиционных обществах сохранение памяти обеспечивается религией, религиозными обрядами и ритуалами. Основным хранилищем памяти о прошлом и средством его трансляции являются религиозные ритуалы. С развитием общественных процессов коллективное сознание ослабевает, ритуалы перестают выполнять ранее присущую им фундаментальную роль в хранении, трансляции и сохранении памяти. Все большее влияние приобретают универсальные общечеловеческие наднациональные ценности и др. Особое значение для человека приобретает его включенность в различные социальные группы, а механизмом солидарности такого типа становится законодательная норма. По мнению ряда современных исследователей, Дюркгейм не создал законченной теории коллективной памяти.

Немецкий философ Э. Гуссерль обращается к проблеме соотношения памяти и воспоминания: в зависимости от ситуации воспоминание выступает то как процесс конституирования, то как результат данного процесса. В целом же эволюцию взглядов философа на проблему памяти можно обозначить как постепенное смещение от индивидуальной способности воспоминания к преодолению излишнего субъективизма через категорию интерсубъективности. Э. Гуссерль ввел термин «культурные миры» [6, с. 51].

Исследователи считают, что французскому социологу М. Хальбваксу удалось продолжить теоретические наработки Э. Дюркгейма о коллективной памяти и привнести в эту теорию свое видение [7]. Ни одно общество не могло бы жить без коллективного фонда воспоминаний, – отмечал в своих работах автор. В книге «Коллективная и историческая память», которая была издана после его смерти, нашли отражение новые подходы автора. Если изначально М. Хальбвакс исходил из наличия иерархии различных социальных групп, которые извне навязывают индивиду «рамки памяти», то в последних своих текстах он больше внимания уделял процессу формирования собственно индивидуальной памяти как результата взаимодействий человека в составе различных социальных групп.

Идеи М. Хальбвакса о социальной памяти оказали большое влияние на труды ученого П. Рикера, который рассматривал память как деятельность, отмечая, что работа памяти осуществляется как внутри, так и вне индивидуального сознания, не только на уровне отдельного человека, но и на уровне общества. «Общество, переживая ...ситуацию разрыва с прошлым, пытается восстановить память ...через историческую реконструкцию» [8].

Отметим вклад австро-американского философа и социолога А. Шютца в развитие идей памяти, который вписывал воспоминание как и другие формы конституирования

реальности в более общий контекст механизмов формирования социального опыта [9]. Тем самым очевидной становится согласованность мнений П. Рикера и А. Шютца.

Французский историк П. Нора ввел понятие «места памяти». Он предложил изучать топографические, монументальные, символические, функциональные «места», с которыми общество связывает свои воспоминания, и создавать историю этих своеобразных «мемориалов».

Места памяти не являются местами в узком, географическом, смысле, они определяются как своеобразные точки пересечения, на которых складывается и концентрируется память общества. Их главная функция – сохранение коллективной памяти [10].

Представленные мнения обобщают сложившиеся суждения теоретиков по таким понятиям как историческая, коллективная и социальная память. Постепенно происходит расширение теоретического поля и добавляются новые понятия. К таким следует отнести понятия «культурная память», «коммуникативная память», «живая память», «память нации», «социальные рамки памяти».

В научный оборот термин «культурная память» впервые был введен немецким ученым Я. Ассманом [11, с. 61]. Он развивает теорию социальной памяти М. Хальбвакса и структурирует память по уровням, выделяя коммуникативную и культурную память.

Коммуникативная память представляет собой «живую память» индивидов и социальных групп. Она возникает в процессе межпоколенного общения, является малоформализованной и сохраняется на протяжении жизни трех-четырёх поколений. Культурная память рассматривается как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, которые передаются от поколения к поколению и удерживают лишь наиболее значимые события прошлого. Такая память имеет формализованный характер, сохраняется традицией и выражается в различных мемориальных знаках: памятных местах, датах, церемониях, письменных, изобразительных и монументальных памятниках.

Я. Ассман выступил против признания коллектива субъектом памяти и употребления понятий «групповая память» и «память нации». Вместе с тем разработанная им теория культурной памяти в целом построена на том же фундаменте, что и у других авторов [11, с. 67–75].

Выделяют среди других трудов Ю. М. Лотмана его работу «Память в культурологическом освещении». Исследователь отмечает, что «с точки зрения семиотики культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство, в пределах которого некоторые общие черты могут сохраняться и могут быть актуализированы» [12, с. 200].

Теоретики в области изучения памяти обращают внимание на соотношение понятий «индивидуальная память» и «коллективная память». П. Рикёр исследовал память в трех измерениях: как феномен сознания, как реконструкцию исторических событий, как живую память личности.

По мнению П. Рикёра, «...ни феноменология индивидуальной памяти, ни социология коллективной памяти не могут иметь под собой прочных оснований, если каждая из них соответственно считает справедливым только один из противоположных тезисов...» [11, с. 174]. Поэтому он предлагал «исследовать возможности взаимодополнительности, содержащиеся в обоих антагонистических по отношению друг к другу подходах» [11, с. 174]. Ученый высказал предположение о существовании «...между двумя полюсами – индивидуальной и коллективной памятью – промежуточного плана динамических отношений

с близкими, располагающимися на разных дистанциях между Я и Другими...» [11, с. 184]. В этой коммуникации и обнаруживается соотношение индивидуальной и коллективной памяти.

Российский социолог Л. Д. Гудков пишет о том, что воспоминание может быть представлено как «социальное взаимодействие, в котором воспомяющий неявно обращается к значимому Другому. Если индивидуальные воспоминания выстраиваются как цепочки биографических или семейных обстоятельств, то они привязаны к плану частной истории. Коллективные же представления конституируются иначе... Поэтому коллективные представления нельзя рассматривать как сумму индивидуальных воспоминаний..., это всегда совершенно иначе выстроенные “реконструкции” исторических процессов и событий, функция которых связана либо с ритуалами коллективной солидарности, либо с изложением коллективных мифов...» [13, с. 86–87].

Выделим еще один подход к классификации исторической памяти российского историка В. С. Полянского, чье видение отличается от других авторов. В своей статье «Историческая память в этническом самосознании народов» рассматривает следующие виды исторической памяти: этноисторическая память; социальная память; политическая память; социокультурная память; конфессиональная память; память об исторически сложившихся формах общения с другими народами, о культуре межнационального общения [14, с. 17].

Российские авторы Л. Ю. Логунова, А. Н. Алексеев, В. В. Нуркова концентрируют внимание на понятиях «семейно-родовая память», «автобиографическая память». Л. Ю. Логунова пишет, что «семейно-родовая память соединяет социальную и семейно-родовую память человека, актуализирует прошлый опыт поколений и является мощным ресурсом корректировки будущего» [15, с. 69].

Понятия «семейная и историческая память» в сравнительном аспекте использует в своих работах А. Н. Алексеев. Автор отмечает, что «носителем исторической памяти может быть общество в целом, социальный институт (наука, искусство, школа, СМИ), социальная группа, в определенном смысле и индивид...» [16, с. 49–50].

Носителем семейной памяти могут быть только семья и индивид. Семейная память в значительной мере непосредственна, в отличие от исторической памяти, которая многократно опосредована – как всей совокупностью исторических источников и наслаивающихся друг на друга интерпретаций, так и, в особенности, актуальными общественными представлениями.

Историческая память человека может включать в себя и семейную как существенное олицетворение первой. Семейная память всегда пересекается, переплетается с исторической, поскольку не существует истории семьи вне истории общества [16, с. 50].

В. В. Нуркова очертила роль исторического компонента в индивидуальной автобиографической памяти. Она сделала важные выводы о функционировании исторических воспоминаний в структуре автобиографической памяти, раскрыла «механизм деятельностного присвоения исторического знания» через актуализацию разных форм работы. Интересными являются ее работы, связанные с фотографией как источником фиксации прошлого и инструментом памяти [17].

В особенности ценным для современных исследовательских целей в отношении поколений является обращение к понятию «коммуникативная память», которое раскрывает в своих работах Я. Ассман. В этом отношении выразим согласие с белорусским социологом А. Ластовским, который заметил в работах Я. Ассмана важный аспект, применимый для современных исследований.

Я. Ассман ввел различие между коммуникативной и культурной памятью, связанное «с различием между повседневностью и праздником, ... между частным и общим...» [11]. Если понятие исторической памяти отсылает респондента все же к припоминанию, воспоминанию, связанному с прошлым, с уже случившимся, то коммуникативная память обращается к личному опыту прошлого, личному воспоминанию конкретного человека.

Американские ученые Н. Хоув и В. Штраус отмечают, что исторические процессы развиваются циклично на протяжении 80–90 лет, а затем происходит смена цикла. Один циклический период вмещает функционирование пяти поколений. Жизнь одного поколения равна приблизительно 20 годам (в Европе, особенно в Восточной Европе, водораздел между поколениями смещен на 5–10 лет, по сравнению с Америкой, поскольку это связано с последствиями Второй мировой войны). Поэтому рамки циклического развития приблизительно равны 100 годам.

Авторы подчеркивают, что на сохранение преемственной связи между поколениями наиболее существенно влияют институциональные каналы, но в пределах жизни четырех поколений, т. е. пока живы представители этих поколений, а далее уровень преемственности переходит на уровень культурной памяти. «Живое общение», «живая история» – часто употребляемые понятия, в какой-то мере характеризующие данный вид памяти – а именно коммуникативной. А. Ластовский отмечает, что память обладает такой чертой, как субъективность. Субъективность может оказывать влияние на укрепление традиций, но в то же время культурная память является отражением коммуникативной памяти: «например, даже рассказ о личном травматическом опыте повседневной жизни в период войны не может быть полностью дифференцирован от тех представлений, которые циркулируют в коммуникативной памяти» [2, с. 89]. Таким образом, проблема сохранения исторической памяти в коммуникации старших и младших поколений актуальна для современных практик работы с молодежью. Анализ основных теоретических подходов показывает, что ученые отождествляют понятия «социальная», «коллективная» и «историческая память», однако, в отношении анализа прошлого опыта используется понятие «историческая память». Историческая память человека может включать в себя и семейную память. Семейная память всегда пересекается, переплетается с исторической, поскольку не существует истории семьи вне истории общества» [16, с. 50]. Актуальным направлением для проведения исследований в области исторической памяти в отношениях поколений является интерпретация понятий «коммуникативная память» и «культурная память».

Таким образом, очевидно, что во мнениях ученых, занимающихся проблематикой, отражаются разнообразные практики научных дискуссий, связанных с центральным понятием «историческая память», что свидетельствует об эволюции явления, о динамичном характере феномена.

Список использованных источников

1. Горчаков, Д. М. Особенности исторической памяти в контексте теории поколений / Д. М. Горчаков, В. А. Чикер // Психология XXI века: психология как наука, искусство и призвание: сб. науч. тр. участников междунар. науч. конф. молодых ученых, Санкт-Петербург, 12–25 апр. 2018 г.: в 2 т. / С.-Петербург. гос. ун-т; под науч. ред. А. В. Шаболатас, С. Д. Гуриевой. – СПб., 2018. – Т. 1. – С. 497–503.
2. Ластовский, А. Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А. Л. Ластовский // Вестн. обществ. мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 4. – С. 88–99.

3. Данилов, А. Н. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры / А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко, Т. В. Щелкова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 1. – С. 109–118.
4. Исаева, М. А. Поколение кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Науч. потенциал: работы молодых ученых. – 2011. – № 3. – С. 290–295.
5. Дюркгейм, Э. Представления индивидуальные и представления коллективные / Э. Дюркгейм // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995.
6. Гуссерль, Э. Феноменология внутреннего сознания времени: собрание сочинений / Э. Гуссерль. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 1.
7. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] / М. Хальбвакс // Неприкоснов. запас. – 2005. – № 2. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>. – Дата доступа: 17.03.2021.
8. Рикёр, П. Память. История. Забвение / П. Рикёр. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 2004. – 728 с.
9. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц. – М., 2003.
10. Нора П. Проблематика мест памяти. Режим доступа: [http:// es-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html](http://es-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html). Дата: 22.03. 2018.
11. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Яз. слав. культуры, 2004.
12. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Лотман Ю. М. // Избранные статьи. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры.
13. Гудков, Л. Д. «Память о войне» и массовая идентичность россиян. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Л. Д. Гудков. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.
14. Полянский, В. С. Историческая память в этническом самосознании народов / В. С. Полянский // Социс. – 1999. – № 3. – С. 11–20.
15. Логунова, Л. Ю. Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы / Л. Ю. Логунова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – № 379. – С. 69–75.
16. Алексеев, А. Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы / А. Алексеев // Телескоп. – 2007. – № 4. – С. 49–50.
17. Нуркова, В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности / В. В. Нуркова. – М.: УРАО, 2000.

Поступила / Received: 27.12.2021

